

Азии, в том числе и Памира, а также ираноязычные народности Пакистана и Китая (на северо-западе), то станет ясно, что термин «таджик» не только близок термину «перс», но он исторически более емкий. С этой точки зрения его можно считать синонимом термина «иранец».

В европейской научной литературе вопрос о происхождении названия «таджик» впервые был затронут в статье М. Клапрота «О бухарцах», опубликованной в 1823 г. Ссылаясь на неопубликованный труд французского ученого Ж. Сен-Мартена об истории парфянской династии Аршакидов, Клапрот сообщает, что по мнению Ж. Сен-Мартена достоверным является следующее: 1) название «таджик», даваемое тюрками и татарами лицам, говорящим по-персидски в Персии, Афганистане, Тохаристане и Трансоксании, есть то же самое, что и название древнего племени даи, некогда распространенного от Днуба до Бактрианы, а также во многих других регионах; 2) парфяне и Аршакиды принадлежат к той группе скифских народов, у которых термины «даи», «таджик» и «даджик» были наименованием их как народа и которое они сообщали персам; 3) это название, отвергнутое Сасанидами и персами, освободившимися от владычества парфян, приобрело с тех пор в Персии значение «варвары», однако народы Скифии и Северной Азии, оказавшиеся в стороне от этих политических событий, стали применять это древнее название по отношению к персам.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание в этом высказывании, это то, что термины «таджик» и «даджик», а также, по-видимому, «даи» — это всего лишь фонетические варианты рассматриваемого этнонима. Дело в том, что наши многолетние наблюдения свидетельствуют о том, что иранским языкам (как и другим индоевропейским) свойственна взаимозаменяемость звонких и глухих согласных (независимо от их фонетической позиции, характера слога, ударения и т. п.). К стати заметим, что иранским языкам свойственна и взаимозаменяемость смычных и щелевых согласных, а также чередования внутри гуттуральных согласных [2, 3]. В приведенном выше высказывании Клапрота важно и то, что парфяне называли себя таджиками.

Широкое распространение получила в XIX в. гипотеза Н. В. Ханькова, изложенная им в труде «Записки по этнографии Персии» (1866), согласно которой слово «таджик» происходит от «тадж» в значении «корона, венец», и поэтому оно должно быть истолковано как «венценосный». Эта идея Н. В. Ханькова нашла поддержку в ряде трудов таких русских и зарубежных ученых, как Вамбери, Будагов, Лагард [1].

Другая гипотеза о происхождении этнонима «таджик», которую разделяли такие русские и зарубежные ученые, как Хорн, Хюбшман, Семенов, Бартольд, заключалась в следующем: термин «таджик» происходит от названия арабского племени «тай» [1]. Однако по мере накопления нового материала, извлеченного из первоисточников, эта гипотеза стала подвергаться сомнению.

Наиболее серьезные возражения эта концепция вызвала у А. К. Боровкова. Его аргументы состояли в следующем: 1) неверным является предположение, что в «мусульманскую эпоху» могли возникнуть поздние формы «тази» и «тазик» из первоначального «тачик». Именно в эту эпоху названия «тази» в значении «араб(язычный)» и «таджик» различались; 2) нет оснований предполагать, что при первом же появлении в Средней Азии арабов у тюркских народов тотчас же появилась новая форма «тезик» или «тежик» от «тази» или «тазик» в смысле «араб» и что тюрки совершенно не отличали арабов от иранских жителей Средней Азии, с которыми они давно имели прямые связи; 3) следует учесть, что в одной тибетской летописи под 732 г. н. э. упоминаются таджики — иранские жители Средней Азии как ближайшие соседи китайцев на западе, что еще более убеждает нас в различном происхождении слов «тази» и «таджик».

Эти доводы А. К. Боровкова, как нам представляется, достаточно убедительны. Но, справедливо отвергая концепцию В. В. Бартольда и др., А. К. Боровков счел возможным поддержать прежнюю народную этимологию термина «таджик» в значении «венценосный». Это же мнение разделяют И. И. Умняков и С. Айни